

С О О Б Щ Е Н И Я

М. А. АГЛАРОВ

ФОРМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ У АНДИЙЦЕВ В XIX ВЕКЕ

(По материалам полевых исследований 1959—1960 гг.)

Семейно-брачные отношения и свадебный ритуал народностей андийской языковой группы ранее не подвергались специальному исследованию¹. Между тем, здесь как в формах первоначального выбора брачующихся, так и в самом свадебном ритуале встречаются весьма любопытные детали, представляющие значительный интерес для изучения вопросов истории семьи.

Андицы, как и другие народы Дагестана, охотнее всего выдавали девушек замуж за представителей своего рода (тухума). Однако браки были возможны и между представителями разных тухумов, но тухумы эти должны были быть локализованы в одном ауле. Браки же, заключенные между представителями различных сельских обществ, были редчайшим явлением. В народе говорили: «Чистое зерно реку не перейдет, красное золото из села не уйдет»².

Этот не свойственный другим народам Кавказа порядок заключения брака неоднократно освещался в литературе и подвергся различным толкованиям³.

В данном случае нас интересуют те формы брака, в Андии, которые составляют исключение из общего правила. Они, вопреки обычным нормам, экзогамны. Такие браки практиковались sporadически. Зафиксировано всего шесть абсолютно экзогамных по отношению к тухуму форм заключения брака, а именно: «ццлер джабир» (букв.: назвать имя), «кьорир» (букв.: оповещение), «ехуду йилон» (уйти за ним), «чухтлу кIази рухир» (снятие с девушки головного убора), «хьаммир» (похищение) и ахвахский обычай «тIагьрал рехи» (забрасывание папах).

Обычай «ццлер джабир» (назвать имя) заключается в следующем. Представитель джамаата или «нусил бетер» (старшина) вечером поднимался на крышу дома, в котором жила достигшая брачного возраста девушка, или вдова, и через дымоход камин просил ее назвать имя человека, за которого она хотела бы выйти замуж. По словам информаторов, спрашиваемая иногда отказывалась отвечать, но нередко называла

¹ Правда, Е. М. Шиллинг сообщал, что им записаны разнообразные варианты свадебных обрядов у народов андийской группы, но материалы эти до сих пор не опубликованы. См.: Е. М. Шиллинг, Дагестанская экспедиция, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ), IV, М., 1949.

² Рукописный фонд Ин-та истории, языка и литературы (далее ИИЯЛ) Дагестанского филиала АН СССР, ф. 194, л. 15.

³ О. И. Константинов, Джаро-белоканцы до XIX столетия, газ. «Кавказ», 1846, № 2, стр. 8; Н. Львов, Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. III, Тифлис, 1870, стр. 18; М. М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, СПб.—М., 1890, стр. 143—144, 172—173; Г. Ф. Чурсин, Этнографический очерк «Авары», Рукописный фонд ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, ф. 1570; З. А. Никольская, Из истории семейно-брачных отношений у аварцев в XIX веке, КСИЭ, VIII, 1949, стр. 53—59; М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа, М., 1960, стр. 25. Историографию и попытку решения вопроса см.: М. Агларов, О причинах эндогамии аварцев, «Тезисы докладов на конференции молодых ученых Дагестана», Махачкала, 1963, стр. 77.

имя желаемого в мужья человека (обязательно не своего тухума). В тот же вечер посланный для ццлер джабир оповещал родителей избранника, затем следовал обычный цикл сватовства и свадьбы. Так были заключены в с. Ашали браки: Бики (дочери Зайнап) с Мухаммедом, сыном Ашуры, Алиевой Хатимат с Яхьяевым Баширом, Алиевой Патимат с Нажмудином и др.; инициатива выбора во всех этих случаях принадлежала девушке. Отказ юноши считался предосудительным поступком («сули»).

Этот обычай нашел свое отражение в низамах Шамиля по брачным делам: «Сущность... низама,— читаем мы,— заключается в понуждении родителей или родственников совершеннолетних девиц к скорейшей выдаче их замуж, но это относилось только к людям, молодые родственницы которых известны были веселым характером»⁴. Как видим, лаконичное предписание Шамиля⁵ не предусматривает ритуальной церемонии, связанной с ццлер джабир,— таким образом, обычай этот не был введен данным низамом, а лишь в какой-то мере мог быть им поддержан или возрожден. Обычай ццлер джабир бытовал в Андии вплоть до первой четверти XX в.

Обычай «кърорир» (оповещение) состоял в следующем. Девушка могла настаивать на браке с юношей (не своего тухума), если последний при случайной, а равно и преднамеренной встрече преградил ей дорогу или слегка дотронулся до нее. После того, как девушка объявит о случившемся, ее родные требовали немедленного заключения брака. Причем оповещала девушка прежде всего не родных, а людей, близких ее семье. Заливаясь слезами, она рассказывала им о случившемся, намеренно сгущая краски, и до начала переговоров о сговоре оставалась в их доме. Отказ юноши жениться рассматривался как тягчайшее оскорбление для родных и близких девушки. Случалось и так, что девушка требовала брака с юношей, ложно обвинив последнего в попытках преградить ей дорогу.

Следует упомянуть еще о форме заключения брака у каратин, также предполагающей в какой-то степени инициативу девушки, что нашло свое отражение в фольклоре. Так, в песне «Жалобы мачехи на падчерицу» есть такие слова:

«Гъай гъарун ячизе чи вачинчлони,
Магъуш глаги виле тлохе ахлизе».

(Если сватать ее никто не придет, то пошли глашатая на крышу, чтоб оповестил)⁶. Здесь мачеха рекомендует старинный, но, видимо, очень верный способ избавиться от падчерицы.

Обычай «ехуду йилон» (у аварцев «хадуй ин», букв. «уйти за ним») заключался в том, что девушка ночью или днем, ни с кем не посоветовавшись, уходила к юноше (не своего тухума) или с ним — к его знакомым в соседнее селение.

Рассмотренные нами три брачных обычая («ццлер джабир», «кърорир», «ехуду йилон») дают основания предположить, что они у андийцев являются пережитком брачных норм материнского экзогамного рода, которые характеризовались инициативой девушки при заключении брака (или, по крайней мере, стороны девушки).

Обычай «чухтлу клази рухир» (снятие с девушки головного убора) состоял в следующем. Юноша снимал с девушки головной убор и возвращал его только после получения согласия родителей девушки выдать ее за него замуж. Этот обычай sporadически встречался до недавнего времени. Характерно, что снятие головного убора с девушки приравнивалось к ее похищению и вызывало аналогичную реакцию: примирение, сватовство, затем свадьбу. Этот обычай известен также у аварцев и других народов Дагестана и Кавказа.

Обычай «хъаммир» (умыкание, похищение) — явление очень редкое. Похищение считалось позорным для родных девушки. Подтверждением этого может служить то обстоятельство, что для примирения сторон прибегали к посредничеству джамаата. Если во время самого похищения родственникам девушки удавалось обнаружить по-

⁴ «Дневник полковника Руновского», «Акты Кавказской Археографической Комиссии», т. XII, Тифлис, 1904, стр. 1469.

⁵ Приведем интересное свидетельство автора XIX в.: «Шамиль в последние годы прибегнул к новой мере,— читаем у И. Клингера, бывшего в плену в Чечне с 1847 по 1850 г. Она состоит в том, что назначается в году известный период, в который совершеннолетние девушки непременно должны выйти замуж; не вышедших сажают в яму и опрашивают: „Кого любишь?“ Девушка должна поневоле высказать, и тогда делу конец. Если мужчина согласен — свадьба, если нет, то девушку отпускают, а мужчина в знак признательности что-нибудь подарит ей и ее матери» (И. Клингер, Нечто о Чечне, газ. «Кавказ», 1856, № 97). Интересно, что меры Шамиля касались прежде всего невесты или ее семейства; это вряд ли было возможно без учета каких-то традиций в отношении форм заключения брака.

⁶ «Аварский фольклор. Собр. М. Гаирбековой», Рукописный фонд ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, ф. 204, л. 13.

хитителей в дороге или на месте, куда привозили девушку (обычно к кунаку в соседнем селении), неизбежно возникала кровавая схватка, в которой ни одна из сторон не хотела уступить. Поэтому в целях предотвращения кровопролития население тщательно скрывало похитителей, на расспросы преследователей давало дезориентирующие ответы, стремясь сбить их с пути и дать похитителям время скрыть девушку.

Юноша с друзьями обычно похищали девушку в момент, когда она находилась вне дома (на мельнице или в другом удаленном от аула месте). Менее болезненно проходил увод девушки с ее согласия, хотя и при этом она имитировала сопротивление всеми доступными ей средствами.

Широко распространенное в прошлом мнение относительно умыкания как универсальной формы брака на определенном этапе семейно-брачных отношений ныне подвергнуто пересмотру, а обряды в свадебном цикле, имитирующие похищение, объясняются переменной локацией брака⁷.

Обычай «тагърал рехи» (забрасывание папах) известен только у аххахов (одна из народностей андийской группы). По этому обычаю юноши посещали девушку на мельнице, куда она приходила молотить зерно. Приоткрыв дверь, они бросали в помещение свои папахи. Девушка, зная заранее, кто какую папаху носит, выбирала одну, а остальные выбрасывала наружу. Молодые люди, получив свои папахи, уходили прочь, а избранный ею оставался. В жизни девушки «забрасывание папах» обычно случалось лишь один раз, и здесь она фактически выбирала себе жениха. Даже в последнее время в Ахвахской долине практикуют этот обычай, только в иной форме: молодые люди приходят к совершеннолетней девушке домой, когда она одна с матерью, и бросают через дымоход камина или дверь записки с именами претендентов. Девушка выбирает из них записку с именем молодого человека, за которого она хотела бы выйти замуж, или вообще отклоняет записки⁸.

Как и в обычаях цилер джабир, кьорир, охулу йилон, в обычае тагърал рехи отчетливо прослеживается инициатива девушки в выборе жениха. Объяснить, вследствие каких условий общественной и семейной жизни дошли до XIX в. эти реликты, несомненно восходящие к начальным этапам истории брачных отношений, пока еще трудно.

Заканчивая обзор экзогамных по отношению к тухумам форм брака, необходимо остановиться еще на одном уникальном явлении — наличии взаимобрачующихся тухумов. Так, в с Анди каждая пара тухумов связана между собой постоянными брачными отношениями. Такие тухумы в Анди называют «бадисол» (букв. «друг против друга стоящие»). Например, представители тухума Херчиллод чаще всего заключают браки с представителями тухума Шамхалол и т. п.

По всей вероятности, этот порядок можно квалифицировать как пережиток бывшей дуально-экзогамной организации, но к этому выводу нужно отнестись осторожно, поскольку не исключено, что брачные отношения между тухумами «бадисол» были следствием поздних фамильных союзов.

Перечисленные формы заключения брака в Андии, как сказано выше, встречались редко. В прошлом столетии браки, как правило, заключались путем сватовства «ходиду йилон». Эта форма не связана с экзогамными ограничениями.

Когда юноше исполнилось 16—17 лет⁹, к родителям избранной для него девушки посылали свата, обычно человека влиятельного, всеми уважаемого. Сват многократно посещал родителей девушки, но вначале не раскрывал своих намерений, и вел разговоры на посторонние или на близкие к свадьбе темы, и только выбрав подходящий момент, говорил о цели своих визитов. При этом он в довольно ярких красках рисовал личные достоинства юноши, знатность и могущество его тухума, его способность обеспечить семью. После этого, даже если отец девушки (а при его отсутствии — ее ближайший родственник по отцу) решал дать согласие на брак, свату приходилось еще несколько раз посещать родных невесты. Известны случаи, когда родственники жениха посылали представителей от джамаата к отцу девушки, если последний особенно упорствовал. Брак, заключенный посредством вмешательства джамаата, считался наиболее почетным для дома девушки. Дочь во время переговоров не должна была находиться дома. С момента получения согласия от девушки считалась створенной — «бидитом» (букв. нареченная).

⁷ См. примеч. М. О. Косвена к работе М. М. Ковалевского «Очерк происхождения семьи и собственности», М., 1949, стр. 38. См. также: А. М. Золотарев, Происхождение экзогамии, «Изв. ГАИМК», т. X, вып. 2—4, стр. 11 и сл.; Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XLIV, М.—Л., 1959, стр. 205—207.

⁸ В имеющихся описаниях этого любопытного обычая допущены искажения, и главное, не приведены детали, указывающие, что это — явление большой общественной значимости — традиция выбора жениха.

⁹ Сватовство малолетних детей редко встречался в Андии и касался в большинстве случаев детей кулаков, набов, старшин. Сговоренных также называли «бадисол».

Следующий этап — приношение угощений родными и близкими юноши в дом девушки. С угощениями, состоящими из традиционных блюд, приходили только женщины. Это называлось «хъаба-гъан бикъгъольир» (букв. — доставка кувшина и хлеба). Например, в с. Гагатль приносили кувшин, наполненный бульоном с большим количеством мяса, в других селениях Андии кувшин в свадебных приношениях не фигурировал.

В с. Анди приносили ведро со сладостями, поверх него — широкий «чонгол» (род большой эмалированной чаши), наполненный варениками с начинкой из смеси урбеча, масла и меда; посуду оставляли в доме невесты до вторичных приношений, после чего ее уносили, а новую оставляли или уносили — в зависимости от желания делать следующие приношения. С момента доставки «хъаба-гъан» девушка называлась «хидиб» (от «ходу» — просить). На следующий день родные девушки приглашались в дом жениха, где их обильно угощали, причем никаких разговоров о браке в этот день не велось. В свою очередь, в дом засватанной приглашался жених, который до этого не мог там появляться. С данного момента жених принимал участие в хозяйственных делах семьи невесты, но общение между юношей и девушкой исключалось до свадьбы.

Промежуток времени между помолвкой и свадьбой длился до года и больше. За это время родные жениха должны были дать семье невесты «къали бохосон», — 1½ мерки зерна (одна мерка равнялась примерно 12 кг). Фактически давали гораздо больше и не только зерна, но и значительное количество сушеного мяса («реол би рокъгъольир»), одежду для невесты. Кроме того, в дни народных и религиозных праздников в течение всего периода помолвки родные жениха приносили в семью невесты разнообразные угощения. В с. Гагатль угощения приносили регулярно — два раза в месяц, независимо от специальных праздничных подношений. Здесь мы имеем дело не с подарками сторон, а со своеобразными формами калыма, на что прежде всего указывают заранее установленные размеры «къали бохосон», «хъаба-гъан» (не входящих в приданое невесты).

Притворное сопротивление родителей невесты сговору можно, видимо, рассматривать как пережиток былого сопротивления перемене локации брака. Что касается приношений родителям невесты и известной помощи жениха в их хозяйстве, то в этом мы вправе усмотреть частичную компенсацию стоимости трудовой силы, теряемой семьей невесты.

Своего рода символический калым (классические формы калыма широко освещены в литературе¹⁰); является, по-видимому, пережитком относительно развитого института купли невесты, исчезнувшего у андийцев с утверждением эндогамных форм брака еще в эпоху господства патриархально-родовой собственности на основные средства производства. Понятно, что на данной стадии эндогамия делает калым лишь фикцией.

О сроках свадьбы переговоры вели родственники жениха, но решающее слово принадлежало женщинам семьи невесты, особенно ее матери и бабушке по матери. Продолжительность времени между сговором и свадьбой зависела от готовности приданого девушки (постель, утварь, одежда и т. д.). Бывали случаи, когда родители невесты намеренно оттягивали назначение свадьбы, желая подольше использовать дочь в хозяйстве. Поэтому летом, в пору особенно напряженного труда, свадьбы почти не назначались. Наиболее подходящим временем считалась осень. Если жених был очень беден, то свадьбу, требующую значительных расходов с его стороны, старались приурочить к какому-либо скорбному для аула событию — смерти, несчастный случай и т. д., что упрощало торжество до простого привоза невесты в дом жениха с соблюдением самых элементарных обрядов.

В день свадьбы приходили почти все односельчане. Угощали их главным образом мясными кушаньями. Специально приглашенные женщины и близкие жениха приносили «рел'обил» (букв. «руки»), т. е. каждая женщина на руках несла поднос с мясом (половины барана) и с четырьмя или пятью массивными хлебами, испеченными на углях в коре. Хлеб с лицевой стороны орнаментировали и обмазывали яичным желтком. Некоторые хлебы изготавливали в форме человеческой фигуры или коня. Эти приношения облегчали угощение гостей.

Андийцы, как правило, не имели своих зурначей и приглашали их на наиболее пышные свадьбы из аварских сел Кежани, Ичичали и др. Веселье начиналось задолго

¹⁰ Основные концепции см. в работах: Л.-Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 269; Э. Гроссе, Формы семьи и формы хозяйства, М., 1897, стр. 236; Д. А. Ольдерогге, Из истории брака и семьи, «Сов. этнография», 1947, № 1, стр. 14; М. М. Ковалевский, Первобытное право, вып. II, Семья, М., 1886, стр. 82—84; А. Н. Маковский, Из истории семьи у русских инородцев, «Этнографическое обозрение», 1902, № 1, стр. 70—72; М. О. Косвен, Брак-покупка, «Красная новь», № 2, 1926; Н. А. Кисляков, Калым и приданое у таджиков, сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XIV, М., 1951.

до привоза невесты, обычно в двух местах — в доме родителей жениха (в основном пожилые и дети) и в доме близкого друга жениха. В этот же день ближайшие родственники и подруги невесты укладывали ее приданое, готовили наряды.

У кванхидатлинок в наряд невесты входило «керенсвери» — род шелковой кофточки без рукавов, сылошь обшитой серебряными монетами. Обряд «орсибахон» (зашивание серебра) предшествовал свадебным сборам и приурочивался к первой неделе после сватовства. При выполнении этого обряда родственники жениха, собравшись у невесты, нашивали на ее «керенсвери» монеты и одновременно осматривали ее вещи.

И жениху, и невесте назначались их «ноколлзу» (друг, подружка). Ноколлзу невесты советами и рассказами готовила ее к новому этапу жизни. В Ботлихе и жених и невеста имели по два ноколлзу. В с. Муни в качестве ноколлзу жениха должен был фигурировать его зять или, если его нет, ближайший родственник, вплоть до дяди по матери или реже по отцу. В других селах родственные отношения между женихом и его ноколлзу исключались, равно как и между невестой и ее ноколлзу.

Приведенный в день свадьбы к ноколлзу жених оставался у него до приглашения к «магьару» (от «махру» — мусульманский обряд заключения брака). Жених должен был показываться на глаза односельчанам, за исключением ровесников-парней.

В с. Хуштада (багвалала) первый день свадьбы отмечали в доме девушки. Отец невесты предупреждал родителей жениха, чтобы те собрали у себя всех лиц, которые будут приглашены на свадьбу. Потом специальный посыльный звал их на торжество в дом девушки. Туда же приглашали жениха с ноколлзу. Все гости приносили для девушки подарки: платья, головные платки, обувь и т. д., в прошлом — специальную вязаную обувь и одежду из домотканного грубого (в противовес каратинскому) сукна «сунгъур». У багвалалов бытует также обычай, предписывающий невесте дарить жениху и его лучшим друзьям изготовленную ею самой одежду. Второй день свадьбы праздновался уже в доме жениха, куда привозили невесту. Это единственное, пожалуй, село, где помнят о проведении первого дня свадебных торжеств в доме невесты. В некоторых селениях Аварии первый день свадьбы праздновался в доме дружка («гьудула») ¹¹.

Религиозный обряд заключения брака («магьару бикЮлтир») проходил тайно, при закрытых дверях и окнах, которые, как и крыша дома, охранялись родственниками и близкими жениха. Обряд заключался в следующем: представитель духовенства правой рукой брал правую руку жениха так, чтобы большие пальцы их рук соприкасались, и спрашивал: «Согласен ты, сын (такого-то) взять (имя девушки и ее отца) в жены за 3 рубля чистым серебром?» ¹². Ответ «да» в основном завершал церемонию. При этом выплата указанных денег была далеко не обязательна, что, видимо, объясняется незначительностью суммы. По поверью, жених считался «испорченным», если кому-нибудь во время этого обряда удавалось подняться на крышу и в такт ответу жениха произносить фразы противоположного содержания; другой, более верный способ порчи — вынуть кинжал из ножен и обратно вложить его, переворачивая при этом лицевую часть клинка к тыльной стороне ножен. Практиковали также магические приемы: замыкание замков, завязывание узлов и др., широко известные в различных местах Кавказа.

После «магьару бикЮлтир» доверенное лицо жениха «вакил» и остальные участники этой церемонии направлялись к невесте. Там их обильно угощали, но невеста не должна была показывать свою радость по случаю прихода почетных гостей, наоборот, она обязана была играть роль недовольной и обиженной. Пришедшие просили ее согласиться стать женой нареченного. Это называлось «пурман ходир» — «испрошение разрешения». Невеста обычно очень долго отказывалась. Считалось весьма неприличным, если девушка сравнительно легко соглашалась на брак. Эта церемония выливалась в остроумные словесные состязания, не лишенные изобретательности: надо было «поймать» невесту на случайно произнесенном слове «да», «согласна», что завершало дело.

За невестой отправлялись лишь с наступлением темноты. Мужчины, идя за невестой, поднимали шум, стреляли, пытались заглушать пение женщин. Приведу распространенную песенку, которую пели женщины во время шествия:

¹¹ З. А. Никольская, Свадебные и родильные обряды аварцев, «Сов. этнография», 1946, № 2, стр. 194 и сл.

¹² Видимо, здесь мы имеем дело с явлением, идентичным «кебин гьаку» у кумыков и некоторых других народов. Интересно, что в первой половине XIX в. размеры этого взноса были ниже полутора рублей. На наш взгляд, А. И. Руновский неверно истолковал этот взнос как калымную плату; исключение составляет упоминание о том, что багвалалы вносили одну сабу (20 фунтов) зерном. Последнее вполне подходит на калым, тем более, что у соседних андийцев бытовала такая же унифицированная плата за девушку («Дневник полковника Руновского», стр. 1469).

Во риши бишана,	Мы выбирали
Риши бишана	Мы выбирали.
Шахмал кьолбодаса	Из Тлибия шамхалов
Риши бишана.	Мы выбирали.
Во мокьокь бахъана	Куропатку брали,
Мокьокь бахъана,	Куропатку брали,
ГьалбацИл рукьоса	Из дома Галбаца
Мокьокь бахъана.	Куропатку взяли.

Поезд невесты возглавляли родственники жениха верхом на лошадях (жених в это время находился в доме своего ноколъу). Если невесту везли за пределы квартала¹³, то молодые люди устраивали заслоны и не пропускали невесту без выкупа. Выкуп сразу не отдавали, конные предводители поезда старались прорваться, инсценировали драку и т. д. Выкуп обычно состоял из вышитых невестой носовых платков. При этом мальчики-подростки старались утащить подушку, кувшин или что-нибудь другое из вещей невесты, что также выкупалось сладостями¹⁴. В с. Муни впереди свадебного поезда шли дети, которые усердно били в железные лопаточки («харчин») для соскабливания теста, поднимая оглушительную трескотню. В багвалалских селениях (Жуштада, Тлондода, Кванада и др.) практиковали обряд «яшиша-Гашина», заключающийся в том, что дети собирались гурьбой у дома родителей невесты и хором горлачили «ара» и «яра!» («сюда», «сюда») и без выкупа (фруктов и приностей) не удалялись. У тлохских аварцев невеста, идя в свадебной процессии, делала на каждые два шага вперед шаг назад. У андийцев вместо невесты в процессии участвовала одна из ее подруг, а невесту с другой подругой (ноколъу) тайком уводили в заранее наметенный дом, обычно к родственникам дружки жениха. Здесь они ждали прихода жениха. Затем подруга уходила вместе с дружкой жениха, которому они объявляли, что у него находится «цIце» (гостя)¹⁵.

В багвалалских селениях сторона жениха применяла все доступные способы, чтобы задержать прибывших с невестой женщин на ночь, а если удастся и на две в доме жениха. В с. Муни ноколъу жениха должен был спать на веранде перед входом в комнату молодых, а ноколъу невесты не могла уходить домой и также оставалась в этом доме или по соседству.

Старики из аула Риквани помнят предание о бытовании у них в прошлом обычая, когда молодожены первую брачную ночь проводили где-нибудь в поле в глубочайшей тайне от сельской молодежи. Если в упорных поисках кто-либо обнаруживал молодых, то в эту ночь он получал равные с женихом права на невесту. Нам не удалось установить время бытования этого обычая, но в XIX в. и позже существовали другие обычаи, в известной степени связанные с данным. Так, в этом же ауле было принято посещать молодоженов в течение недели. В круг посетителей не входили родственники жениха и невесты. Каждого входящего новобрачный после обычного приветствия спрашивал: «Что привело тебя к нам?». Ответ: «Меня обокрали». Вопрос: «Что у тебя украли?». Ответ: «Ягнат и сосильи инкви» (род туго завернутого и просушенного бараньего или говяжьего сала). Жених: «Все я нашел и верну тебе, садисы!». После этого новобрач-

¹³ Связь родовых в прошлом кварталов с ритуалом выкупа отмечена также у кумыков. См. С. Ш. Гаджиева, Брак и свадебные обряды у кумыков в XIX в., «Уч. записки Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР», т. IV, Махачкала, 1959.

¹⁴ Интересно в этой связи упомянуть о своеобразном обряде у чохцев, у которых получение подарков от невесты приурочено ко времени, когда девушка, будучи засватана, живет в доме родителей. Подарок состоял из трех хлебов, ноги дикого козла или тура и кувшина чаги (род бузы); всем этим на годекане (аульной площади) угощали собравшихся. Под конец все хором напевали: «гьанги, чедги, чанал бохги, чIагIдал рагIги — гIив-гIав («и мясо, и хлеб, и кувшин чаги гIив-гIав»; слово гIив-гIав — не переводится и ныне не употребляется). После угощения пустой кувшин разбивали о стенку какого-нибудь дома в квартале невесты. Описал этот обряд Муса Али Омаров («Чох росулъ букIараб гIажиабат гIадат», Рукописный фонд ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, ф. 188, л. 44). У чохцев известен также обряд разбивания кувшина в целях обеспечения плодородия земли, см.: Е. М. Шиллинг, Из истории одного дагестанского земледельческого культа, КСИЭ, I, М., 1946.

¹⁵ В с. Хушет (дидойцы) свадебный поезд встречала группа сельской молодежи, которая жалобными стонами инсценировала плач. Остальные участники причитали, обвиняя невесту в измене и уходе от них. При этом все они забрасывали участников процессии и невесту с женихом золой (в отличие от других народностей в Хушете жених в процессии шел рядом с невестой). Собравшиеся молодые люди расходились, получив куски от огромного хлеба «таргал», испеченного из одной мерки (около 12 кг) муки, который несли во главе свадебного поезда (записано в с. Хушет в 1960 г.).

ная должна была в шутку бороться с гостем, и последний под шумный смех присутствовавших заявлял, что он получил свое добро. В других селах Андии подобного обычая не помнят.

Первую, а иногда и последующие несколько ночей новобрачные проводили в доме близких людей дружки жениха (встречалось это лишь у собственно андийцев)¹⁶. Как только ровесники — не родственники сторон — обнаруживали, где остановились молодые, они приходили под окна и требовали у жениха, чтобы тот заставил невесту говорить с ними.

У чамалдинцев собравшиеся сверстники требовали, чтобы в брачной комнате зажгли свет, открыли двери и впустили их. В багвалалских селах молодежь, подойдя под окна в полночь, требовала «кьегьенкь», т. е. выкуп (букв. «изгололье»). В с. Гататль жених по требованию стоящих под окном должен был толкнуть невесту к двери, что служило сигналом к уходу собравшихся.

Попытаемся проанализировать некоторые из описанных выше свадебных обрядов. М. О. Косвен считает водворение молодой после ее переезда в селение мужа в другом, чужом доме специфической особенностью свадебного цикла народов Кавказа, исключение составляют народы Дагестана. Поскольку в Дагестане браки обычно заключаются в пределах аула или даже в пределах одной родственной группы, «здесь, — пишет М. О. Косвен, — нет места перевезению невесты в другой аул и нет места разбираемой нами форме»¹⁷.

Таким образом, эндогамия исключает этот распространенный у многих народов Кавказа обычай водворения невесты в чужом доме, являвшийся в прошлом вариантом переходной дислокации. Соблюдение в Андии этого обычая, когда невеста, хотя и не на продолжительное время, помещается в чужом доме, является уникальным в условиях Дагестана и, возможно, свидетельствует о бытовании данного порядка на переходном этапе к эндогамным нормам, а также и о существовании породивших этот институт дислокальных форм поселения супругов в эпоху матриархата в Андии.

Процедура получения выкупа у невесты, разнообразная по формам, находит, как нам кажется, объяснение в переживании искупительной жертвы¹⁸. С другой стороны, многообразие форм выкупа на сравнительно небольшой территории, несомненно порожденное общим источником, можно рассматривать как отдельные звенья общей линии эволюции искупления. Таковы:

- 1) обряды, близкие к «праву первой ночи» (*jus primae noctis*) (с. Риквани, андийцы);
- 2) обрядовое посещение молодых ровесниками жениха, символизирующее кражу и возвращение (с. Риквани, андийцы);
- 3) посещение молодоженов в первую брачную ночь с требованием выкупа (чамалалы);
- 4) наличие нарицательного термина для обозначения всякого выкупа «кьегьенкь» и требование в полночь выкупа (без входа в брачную комнату) (багвалалы);
- 5) вручение невестой подарков стоящим за дверью (андийцы, багвалалы, аварцы и др.);
- 6) отсутствие выкупа в брачную ночь (отдельные селения, например, Энхело (каратинцы));
- 7) претенденты на выкуп не могут быть близкими родственниками жениха или невесты (правило для всех народов андийской группы);
- 8) наконец, всеми практикуемое требование выкупа путем преграждения пути свадебному поезду¹⁹.

Как явствует из сказанного, андийцы обнаруживают ряд специфических особенностей в свадебной обрядности по сравнению с другими народностями Дагестана. В своей массе эти отклонения могут быть объяснены, прежде всего, как реликты исчезнувших форм семейно-брачных институтов, по-видимому, общих и для остальных народов Дагестана. Однако не исключено и то, что отдельные своеобразные элементы свадебной обрядности у андийцев были обусловлены конкретно-историческими условиями, сложившимися в Западном Дагестане. Четко разграничить архаические, единые для всей группы народов элементы обрядности от последующих специфических

¹⁶ Записано в с. Ашали, где и поныне практикуют этот малоизвестный в Дагестане порядок.

¹⁷ М. О. Косвен, Очерки по этнографии Кавказа, «Сов. этнография», 1946, № 2, стр. 143.

¹⁸ «Искупление, ценой которого женщина приобретает право на целомудрие, — в действительности только мистическое выражение выкупа, которым женщина откупается от существовавшей в старые времена общности мужей и приобретает право отдаваться только одному мужчине». Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950, стр. 50 и сл.

¹⁹ Схема дана по принципу эволюции искупительной жертвы к ее сравнительно легким формам.

наслоений, пока, при данной этнографической изученности семейного быта и брачных ритуалов аваро-андо-цезской группы народов, не удалось.

Из изложенного материала по семейно-брачным отношениям андийцев можно сделать некоторые, сугубо предварительные при данной изученности вопроса, выводы:

Андийцы пережили дуально-экзогамную систему брачных отношений (наличие взаимно-брачующихся тухумов «бадисол»).

На стадии материнского рода заключение парного брака характеризовалось инициативой девушки или ее стороны.

Причина незначительности платы за девушку у андийцев в XIX в. находилась в прямой связи с эндогамными формами брака, бытовавшими в Андии²⁰.

Андийцы в прошлом знали обычай водворения невесты в чужом доме, следовательно, знали в древности дислокальные формы поселения.

И, наконец, наши материалы, относящиеся к институтам искупительной жертвы, свидетельствуют о бытовании к началу перехода к парному (в ортодоксальном его смысле) браку пережитков иных форм брака, анализ которых требует специального исследования.

²⁰ Наличие элементов калыма у андийцев было отмечено и другими исследователями. См. сборник статей «Народы Дагестана», М., 1955, стр. 64; Г. А. Сергеева, Брак и свадьба у народов Дагестана в XIX веке, КСИЭ, 32, М., 1959, стр. 31 и сл.